

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯ

1988 10

МУРЗИЛКА

ISSN 0132-1763

ЗАЯЧИЙ БУКЕТ

Зайцы вообще-то не собирают букетов. Зачем зайцу букет? Все полевые цветы над ушами у русаков, все лесные за хвостами у беляков. Да и сам-то заячий хвост называется «пых» или «цветок». Так говорят про заячий хвост старые охотники, а они своё слово знают.

Но вот объявился, глядите, заяц, который собрал букет. Всякого в букет понатыкал: и клевер, и жабник здесь, и кашка, и ромашка.

Вот ходит с букетом и не знает, кому его подарить. Зачем лисе или волку заячий букет? Им не до цветов.

Медведь цветы любит, но не в букетах. Ему бы малины куст.

А барсуку? Только поздней ночью выбирается он из норы, и если ему на лесной тропе вручить, простите, букет, он может и по шее наkostenять.

Не знаю, как и быть с заячьим букетом. Он собран и должен быть кому-то вручён.

Ладно, отдадим барсуку и поглядим, что будет.

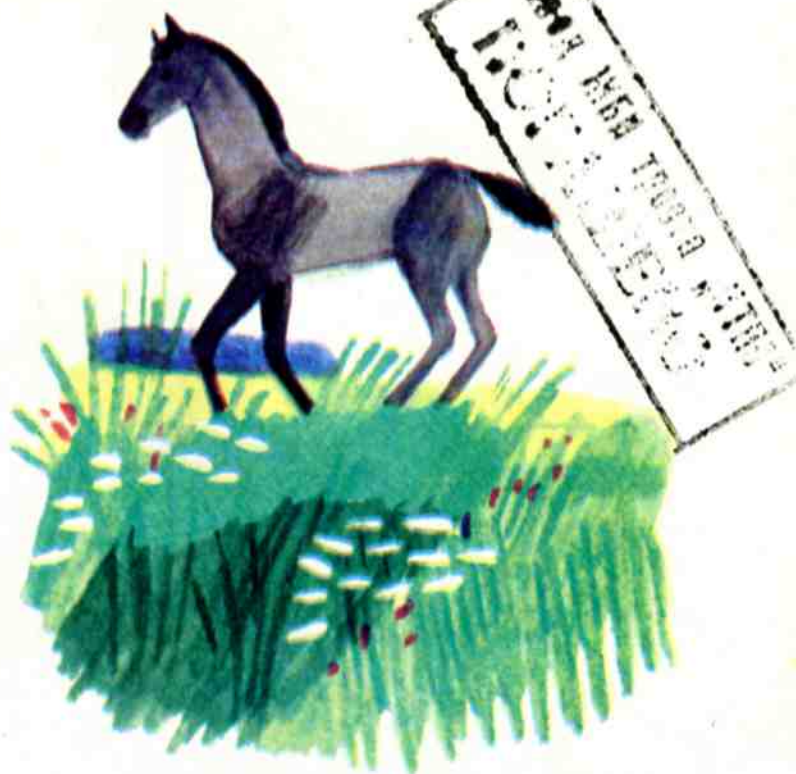
ЖЕРЕБЁНОК

Я шёл на станцию через клеверище. Хотелось с кем-нибудь поговорить, но говорить было не с кем. Не с клевером же? Не с ромашками? С клевером что ни скажешь — получится глупость.

Я остановился и сказал всё-таки:

— Да вот, на станцию иду.

Клеверище молчало, пошуршивая.

Вдруг послышался сбивчивый топот — и боком-боком выскочил на дорогу жеребёнок. Встал передо мной.

Доверчиво и недовольно смотрел он, не понимая, что я такое. Не столб ли какой?

— Да вот, на станцию иду, — пояснил я.

Жеребёнок кивнул, топнул копытцем и помчался по ромашкам. Неловко помчался, его заносило то вправо, то влево, и всё-таки это был какой-то пронзительный жеребёнок.

— Ой, нас угнали, нас угнали...

Послышалась песня, и на дорогу из-за бугра выехал пастух Агафон верхом на кобыле Тучке.

— Видал жеребёнка? — закричал он. — Только вчера родился! Вон какой скакун. Со звёздочкой!

Агафон рассказывал и смеялся, радовался, что на земле появился новенький конь.

— Ну а ты-то как живёшь? — спросил он. — Что нового? Что хорошего?

— Да вот, — махнул я рукой, — на станцию иду.

СТАРАЯ ЯБЛОНЯ

Целый день сидит у дороги бабка, яблоками торгует.

Мчатся мимо яблок машины, мотоциклы, режут трактора. Иной раз остановится машина, купит яблок и дальше гудит.

Вот едет грузовик. Этот яблок не купит, некогда ему. Автобус бы купил, да у него остановка за три километра. А это «Запорожец», если и купит, так полкило.

Я остановился, купил полведра.

— А ты ведь, радетьель, и на ведро тянешь, — сказала бабка.

Сидит бабка у дороги, а за спиной у неё рябина, а за забором яблоня старая стоит, на ней яблоки зреют, на землю падают.

Целый день работают они. Бабка торгует, яблоня яблоки роняет. Так и живут.

ОСЕННЕЕ КОТЯРО

Падают, падают листья на землю и на кота.

А кот караулит, подстерегает и вдруг бросается на падающий лист, прихлопывает его лапой и грозно грызёт. Он, наверно, думал, что это такие воробьи разноцветные.

«Глупое осеннее котяро, — думаю я. — Листья с воробьями путает».

А кот заметил, что я про него думаю, и затаился.

Падают листья, заваливают кота.

«Эх, и сам-то я, как опавший листок, — грустит кот. — Печально на душе, тоскливо».

«Какой листок? — думаю я. — Вон какая рожа толстая да усатая».

«При чём здесь рожа? При чём здесь рожа? На душе тяжело. Лежу вот под листьями, грущу».

«Чего ты грустишь-то, котяро осеннее?»

«Жалко как-то... Вот и птички улетают... вам этого не понять».

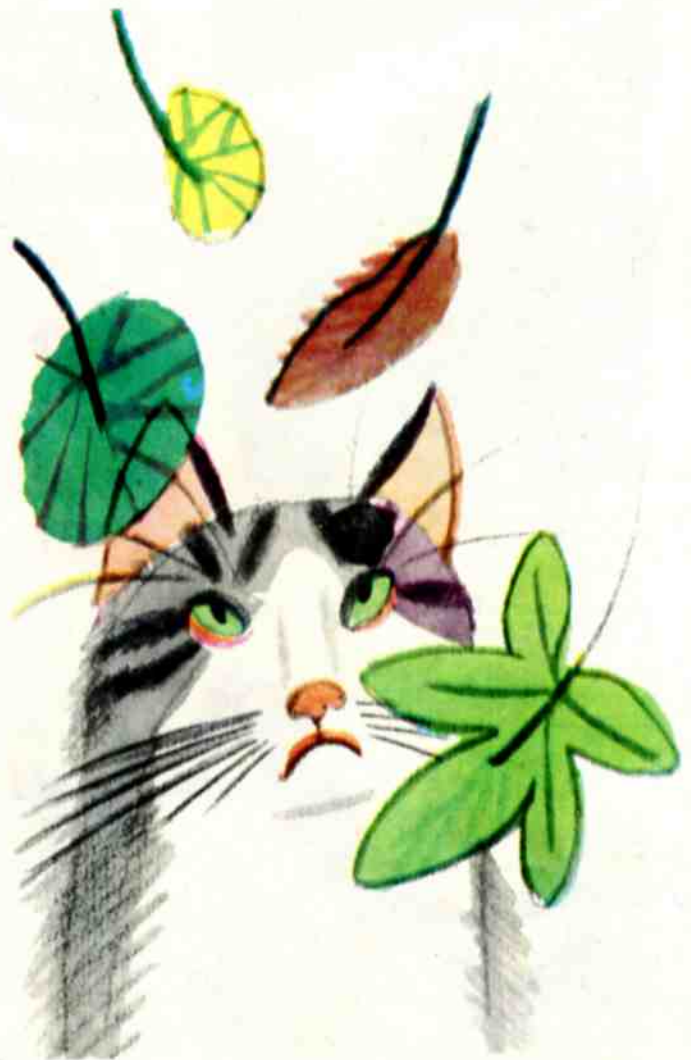
До вечера лежал кот в листьях, печалился.

Похолодало. Вскочил кот, выгнув дугою спину, фыркнул и помчался в дом. Сразу полез на печку.

«Хватит мне быть осенним котом, — ворчал он, — стану теперь зимним».

В эту ночь и выпал первый снег.

Рис. Г. МАКАВЕЕВОЙ

Комсомольский билет № 1.

Эскиз панно «Труд», 1918 год, автор Б. КУСТОДИЕВ.

Окно Главлитпросвета, 1921 год, автор В. МАЯКОВСКИЙ.

Тарелка «РСФСР», 1920 год, автор С. ЧЕХОНИН.

«Работница, вышивающая знамя», 1919 год, автор Н. ДАНЬКО.

Эскиз панно «Цветы и колосья», 1918 год, автор Н. АГАПЬЕВА.

**КОМСОМОЛ—
ЗНАЧИТ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЁЖИ.
ВПЕРВЫЕ ЭТО СЛОВО
ПРОЗВУЧАЛО 29
ОКТЯБРЯ 1918 ГОДА.
КОМСОМОЛУ—70!
С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ,
ЛЮБИМЫЙ СТАРШИЙ БРАТ
И ВОЖАТЫЙ!
ПИОНЕРЫ И ОКТЯБРЯТА
СТРАНЫ САЛЮТУЮТ ТЕБЕ!**

Тарелка с лозунгами, 1920 год, автор С. ЧЕХОНИН.

ТЫ ВСТРЕЧАЙ НАС, КОМСОМОЛ

В. СОЛОМИН

Музыка Г. ЛЕВКОДИМОВА

Дороги пионерские всегда вперёд зовут,
Дороги пионерские — учёба, дружба, труд.
Дороги пионерские торопят октябрят,
Умелыми и смелыми они им быть велят.

Припев:

Пусть дороги не кончаются,
Пусть дороги продолжают,
Звонкой песней наполняется простор.
Ты встречай нас, ты встречай нас, комсомол.

Дороги пионерские — «Орлёнок» и «Артек»,
Дороги пионерские — веселье, игры, смех.
Дороги пионерские в любой дали видны,
Шагают ими юные хозяева страны.

Припев.

Умеренно скоро

До- ро- ги пи- о- нер-ски-е все-гда впе-рёд зо-
-вут, до- ро- ги пи- о- нер-ски-е — у-чё-ба, дру-жба,
труд. До- ро- ги пи- о- нер-ски-е то-ро-пят ок-тяб-
-рят, у-ме-лы-ми и сме-лы-ми о-ни им быть ве-
-лят. Пусть до- ро- ги не кон-ча-ют-ся, пусть до-
-ро- ги про-дол-жа-ют-ся, звон-кой пес-ней на-пол-
-ня-ет-ся про-стор. Ты встре-чай нас, ты встре-
-чай нас, ком-со-мол. До-чай нас, ком-со-мол.

Для повторения | Для окончания

Плакат «Да здравствует комсомол!»,
1924 год, автор А. САМОХВАЛОВ.

Плакат «Спорт», 1933 год, автор А. ДЕЙНЕКА.

Плакат «Победа», 1968 год, авторы О. САВОСТИЮК,
Б. УСПЕНСКИЙ.

Тарелка «Не будет конца», 1920 год, автор С. ЧЕХОНИН.

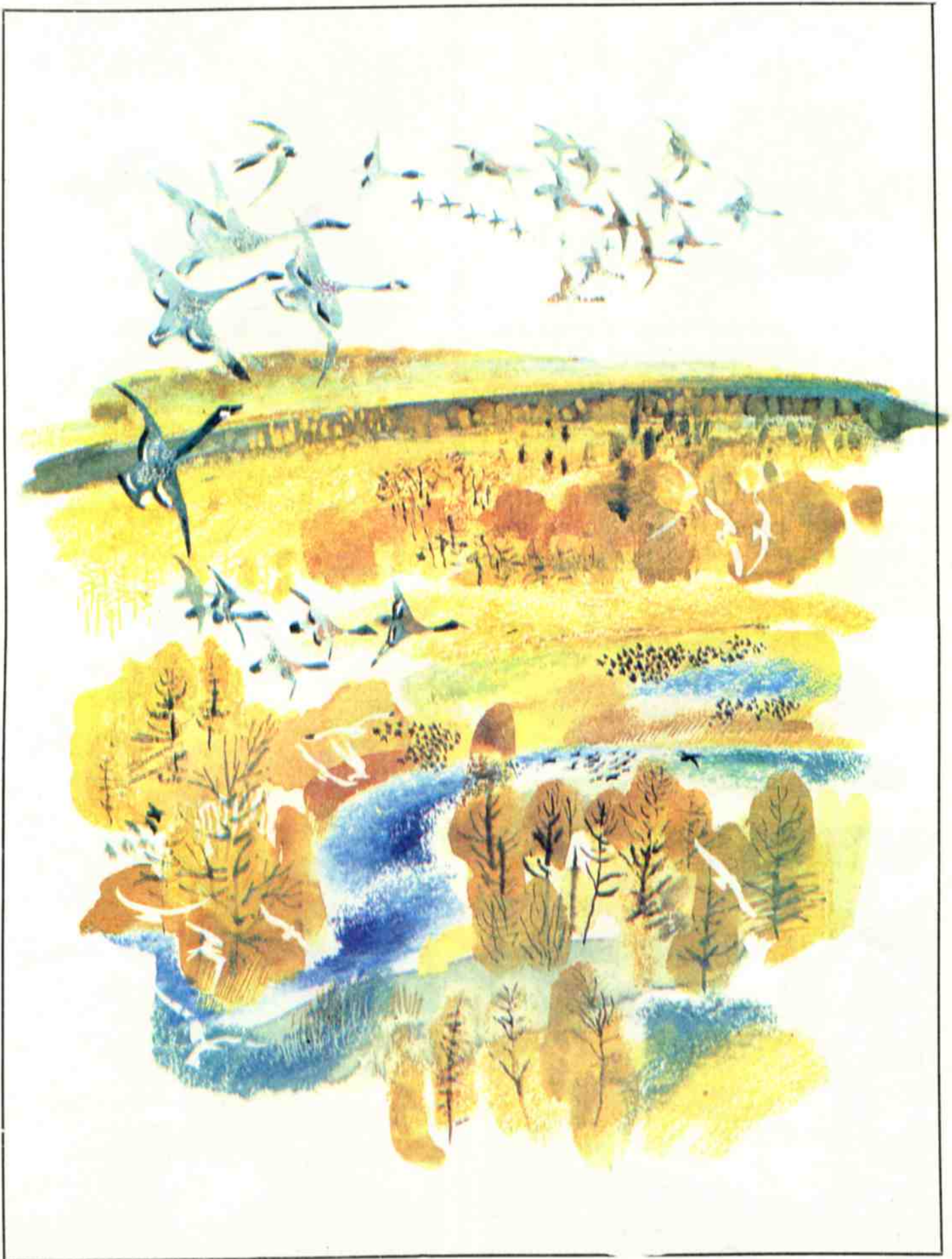
Вглядишься в эти картинки. Комсомольский билет, пробитый пулей. Плакаты военных лет, плакаты мирных дней. Произведения искусства: декоративные тарелки, фигурки из фарфора, в которых запечатлён образ далёкого героического времени. Пусть эти документы и реликвии помогут представить тебе страницы легендарного пути Родины и комсомола.

Плакат «Демонстрация», 1920 год, автор В. ЛЕБЕДЕВ.

Плакат «Мы построим солнечные города», 1976 год, автор З. ЛАПШИНА

СЛЕДЫ ОСЕНИ

Каюм *ТАНГРЫКУЛИЕВ*

Где осени следы?
В кувшине с добрым чалом,
В листочках золотых,
Последних, запоздалых.
Утёнка помнишь ты?
За лето уткой стал он.

Где осени следы?
В арыке без воды,
В рубиновом гранате,
В янтарном винограде
И в перелётах птиц
Под вечер, на закате.

Где осени следы?
В шуршащих школьных картах
И выкрашенных партах.
У скользкого порога
И стынувшей воды...
Там осени следы.

*Перевёл с туркменского
Я. АКИМ*

ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ

Я. АКИМ

Ты видишь, как ветер с листвою играет,
Как в роще деревья себе выбирает?
Берёзка на склоне приметная вроде,
А ветер её стороною обходит.

А может, строптивное деревце это
Не хочет играть с надоедливим ветром?
Берёзка секреты не всем доверяет,
Друзей и подружек сама выбирает.

Рис. Н. ЧАРУШИНА

КАКИМ БЫВАЕТ СНЕГ

Сергей ИВАНОВ

Самый первый снег робок и тих. Ложится на чёрную октябрьскую землю: «Ой! Извините!» И тает. Лишь кое-где притаится по бороздкам, оставшимся от змеиногo следа последнего велосипедиста.

Первый снег. Он лежит словно просто для красоты — чтобы лишь подчеркнуть, как черна напившаяся осенней воды земля, как озимое поле свежо сверкает... Небо серое, снежок белый и лёгкий, словно на акварельном рисунке. А озимое поле так и сияет, сияет, словно оно освещено каким-то невидимым солнцем.

Иной раз выйдешь из лесу, глянешь на него — как оно лежит на пологом склоне противоположного холма. И поймёшь: всё кругом спит, а это поле и верно освещено — солнцем жизни.

Силён и спокоен январский снег. Тяжёлым холодным одеялом накрывает он поля. Гнёт к земле деревья. А какая

ёлочка послабей — он и ломает её!

Солнце выглянет утром, загорится, высоко поднимется в небо. А небо синё, бездонно. Глянешь из окошка — что за день чудесный! Прямо весна! Кажется, еще чуть — и посыплется с крыши капель.

Но только выйдешь, и дух захватит. И сейчас же пожалеешь, что не взял вторых рукавиц... Мороз, ну и морозиче! Много снегу — много и холоду. Солнце висит вверху, словно лампочка в холодильнике: светит, а не греет.

Через поле проложена синяя тропинка. Идёшь по ней — ногу ставишь осторожно, как канатоходец. Чуть неверный шаг — по колено, а то и по пояс провалился в сыпучее снежное болото... Ворона натужно тянет по замёрзшему льдистому небу: «Ой, холодно! Ой, долго ещё до тепла!»

Самый злой и колючий — это февральский снег. Метели одноногие кру-

жатыся, прыгают по полям и над лесом, сшибаются в один воюющий ком. А небо мглистое, низкое. Кажется, только руку протяни — и вот оно... Но не поднять руки, не разлепить глаз. Идёшь, нахлобучив шапку на лоб. А ветер так и бросает тебя, так и гонит, словно бумажного.

Злится февральский снег, люрует — лупит путника по шапке, по ватной спине... Лупи, лупи! Недолго тебе осталось... Злодей! Колдун! Ведьмин сын!

И вдруг остановишься: «Боже ты мой, куда ж это я забрёл? Куда ж это он меня затащил? О-ё-ёй! Лишь бы до дому добраться!»

Самый последний снег — апрельский. Он плотный и липкий, никаким ветром его не поднимешь, пристал к земле, словно белый пластилин.

Апрельский снег — дырявый: весь в дырах проталин, весь в дырах луж. Что уж там деревья, что уж там кусты — кочки и те голову начинают подымать. Вылезет из-под снега — рыжая, непричёсанная: «А вот она и я!»

В березняке снегу ещё немало, но весь он в мелких оспинках берёзовых семян-самолётиков. Лыжи скользят плохо... Я стою среди берёзового царства. Берёзы уже белее снега. Лыжня уходит, теряется среди стволов, словно среди тумана.

Вчера по этой лыжне ушёл от нас дедушка Мороз.

Рис. П. ГРИГОРЬЕВА

Анна ГОРБУНОВА

Спит первый снег.
Открыт букварь зимы.
Его ещё не прочитали мы.
Но вот уже
на чистую страницу
Вспорхнула
пёстрой буквой
синица.
Она звенит,
как маленький звонок.
Как будто первый
начался урок...

Рис. В. МЕДВЕДЕВА

А. Семёнов

ПРЯКЛЮЧЕНИЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ЭВМ МОЖЕТ ОБУЧАТЬ В ШКОЛЕ?

И ДАЖЕ ЗАМЕНЯТЬ УЧИТЕЛЯ?

ХВАТИТ СКАЗКИ РАССКАЗЫВАТЬ!

МЫ С ЧИРИКОМ ДАЖЕ СОЗДАЛИ РОБОТА-УЧИТЕЛЯ С КОМПЬЮТЕРОМ! СМОТРИ!

ПАПОЧКА!

ЗЛАЯ ВОЛШЕБНИЦА ЯБЕДА-КОРЯБЕДА

ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ РОБОТ-УЧИТЕЛЬ

ПОСМОТРИМ, ЧТО ЭТО ЗА „УЧИТЕЛЬ“!

ВОЛШЕБНИЦА ПАПОЧКА

ПЕРЕНЕСЁМСЯ В ШКОЛУ!

ХООП!

А ГДЕ ЖЕ ЯБЕДА-КОРЯБЕДА?

КАК ВСЕГДА ОПАЗДЫВАЕТ...

У МЕНЯ БУДИЛЬНИК НЕ ЗАЗВОНИЛ

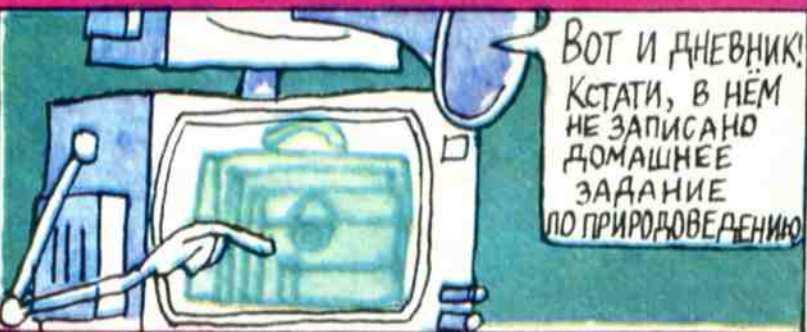
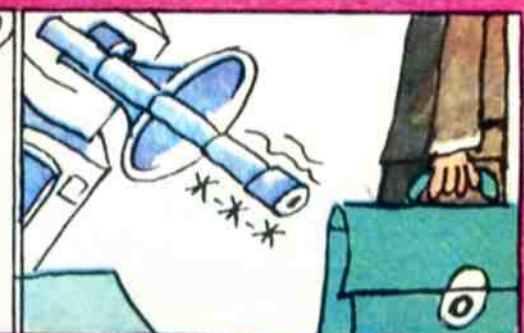

ПО МОИМ ДАННЫМ ТЫ ВСТАЛА ТРИ ЧАСА НАЗАД!

ПОЭТОМУ ДАЙ ДНЕВНИК - Я СДЕЛАЮ СООТВЕТСТВУЮЩУЮ ЗАПИСЬ!

А Я ЕГО ДОМА ЗАБЫЛА!

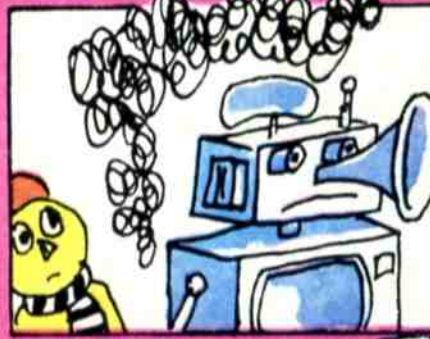
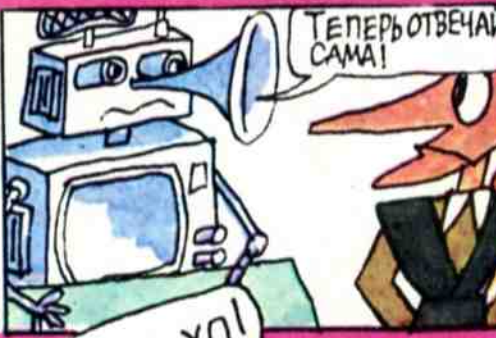
ВОТ И ДНЕВНИК! КСТАТИ, В НЁМ НЕ ЗАПИСАНО ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ ПО ПРИРОДОВЕДЕНИЮ

ВОТ И ПОПРОСИМ ТЕБЯ К ДОСКЕ! ОТВЕЧАЙ, ЧТО БЫЛО ЗАДАНО!

МУРЗИЛКИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ТРУБАЧ

Играй, трубач!

Пусть слышат все на свете

Заветную мелодию твою,

Тревожную, как небо на рассвете,

Горячую, как всадники в бою.

Рис. В. КУРДОВА

ЗАОБЛАЧНЫЕ ИСТОРИИ

А. ДОРОФЕЕВ

Продолжение

ШТАБНАЯ КАРТА

История восьмая

Начались войсковые учения. Подняли нас ночью по тревоге, и капитан Крапива поставил боевую задачу:

— Захватить штаб условного противника. Штаб отлично замаскирован и усиленно охраняется. Главное — добыть штабную карту. Доставить в целости и сохранности!

— Есть — в целости и сохранности! — на солдатской службе другого ответа и быть не может.

И сразу в самолёт. В полной боевой выкладке — автомат, рюкзак десантника, два парашюта, основной и запасной. Десантирование в тыл «противника»!

Сколько ни прыгай, а я вам скажу, всё равно сердце замирает. И с Капитоном ласковые разговоры ведёшь: не подведи, мол, Капитоша, сделай всё на совесть!

Время непонятно как движется, когда летишь в самолёте на задание, вроде стоит, а вроде вскачь несётся. Ближе ли, далеко ли улетели? Что там, под крылом? Горы, степь, море? Где наш противник, где его штаб?

«Приготовиться!»

Лёг самолёт на боевой курс.

«Пошёл!»

Тусклый свет в самолёте. За бортом стремительная тьма. И туда уходят ребята. Вот и я «пошёл». Несколько шагов

до выхода, под куполом до земли, а там — определимся на местности.

Ветер бродит по высотам в разные стороны. Тьма прозрачна и холодна. Сияют звёзды, и белеет под ними сплошная снежная равнина — рукой подать! Успеет ли парашют раскрыться?!

И проваливаешься беззвучно в эти небесные снега, в облака, полные не просыпавшимся ещё на землю снегом.

Тихо в облаке. Едва слышно, кажется, шуршит оно. Лицо будто иголки покалывают. И летишь вроде бы медленно-медленно, неизвестно куда. Бело и мутно, как во сне.

И как из сна — выплывает вдруг земля.

Она чёрная! Снега почти нет. А мы в белых маскировочных халатах. Да, замаскировались! Легче лёгкого обнаружит нас условный противник. Противник-то условный, но от капитана Крапивы безусловно влетит, коли не выполним задание.

Поправил я автомат на груди. Огляделся — где ребята? Что за чертовщина?! Быть такого не может! Земля рядом, но ни одного парашютного купола не видно на ней. Будто провалились.

Ёлки-палки — лес густой! Не земля подо мной чёрная, а и впрямь лес. Да какой густой — ни полянки, ни прогалины. Прносятся ветви, как будто еловая волна катится. Того и гляди, сядешь на макушку, как голубь!

Рванул стропы — тирррууу! И ухнул в еловую глухомань, в чёрный еловый колодец, пахнущий смолой. Мелькнули косматые ветки, и дёрнуло меня вверх изо всей силы. Зацепился купол за сучья. Повис я меж деревьев, как ёлочная игрушка.

Молодец, Тётя. Здорово приземлился!

Болтаюсь между небом и землёй. Очень затяжной получился прыжок. Ладно, думаю, надо оценить обстановку. Не век же на дереве висеть.

До земли, где мягко белеет снег, метров двадцать. Огромный сугроб виднеется. Чем-то он мне приглянулся. Не-

обычный сугробчик, будто его специально тут соорудили. Беда, далековато, не допрыгнуть.

Кончатся учения. А как, спросят, показал себя рядовой Николай Тётя? Чем отличился? Да он на ёлке всю дорогу маневрировал!

Нет, не пойдёт так дело. Достал я стропорез — специальный ножик. Чик, чик, чик — по стропам. Как тот чудак, что пилил ветку, на которой сидел. Но я похитрее — правой рукой за концы строп держусь. А как все обрезал, обе-

ими ухватился. И давай раскачиваться — туда-сюда, туда-сюда.

Если бы кто со стороны поглядел, очень удивился — в тихой морозной ночи кувыркается на ёлке какое-то существо, вроде северной обезьяны.

Раскачался посильнее и в сугроб полетел! Бухнул как снаряд. Снег рыхлый. Проваливаюсь, проваливаюсь. Будто сквозь облако. Да облако земное. Пожётче небесного. Падаю, не зная куда. Не в медвежью ли берлогу?! Ласковая будет встреча...

Шарах! — пробил ногами что-то твёрдое. И свет разлился, как будто из-за тучи к солнцу выскочил. Неужто электричество в сугробе? Ох, думаю, глубоко ты провалился, Николай Тётя!

Хотя не до раздумий, конечно. Глазами стрельнул, и ясна обстановка. Штаб! Стою на столе. Вокруг офицеры условного противника. Смотрят на меня, как на снежного человека. Главное тут — не дать опомниться.

— Руки вверх!!! Штаб окружён!

Да, видно, не рассчитал я силу голоса. Опять падаю — стол подо мной развалился. В общем приземлился окончательно в конце-то концов.

И тут дверь настезь! Часовые?!

Едва выхватил условную гранату, как ворвался в штаб Хвича Перетурян, а за ним — Фокин, Пакин, Царёв и Королёв.

— Бравые ребята десантники, — говорит один офицер. — И с флангов, и с неба атакуют! Не помогли маскировка и охрана... Сдаёмся!

— Где карта? — спрашиваю я, поднимаясь.

А офицеры перемигиваются да улыбаются, глядя на меня. Мол, знать ничего не знаем — какая такая карта?

— Слушай, Тётя, подвинься, — говорит Хвича.

Разобрал он обломки стола, разгрёб снег, что сверху просыпался, и достал карту у меня из-под ног. Помятая, подмоченная, но в общем-то целая. На столе она лежала...

Разве мог я подумать, что с неба прямо на штабную карту угожу? Чего только на военной службе не бывает! Обо всём не расскажешь...

— Сейчас на посадку пойдём — пристегните ремень, — сказал мне Николай Тётя.

БРОСОК В КОРЗИНКУ

История девятая

Самолёт приземлился.

Уже смеркалось, когда мы с Нико-

лаем Тётей прибыли в его родную часть.

Плац с зеркалами. Нарисованные солдаты в полной форме. Чистота. Порядок. Даже весенний снег и тот выглядит по-военному — собран, опрятен, не расползается по сторонам.

И капитан Крапива хоть куда! Грудь колесом. Ремни поскрипывают.

Мы прохаживались по плацу, и я приметил на краю три столба с зарубками — маленький, средний и большой.

— Да-да, — кивнул капитан. — Специальные вешки! Отмечали на них, как Тётя растёт. Меньшего на месяц хватило. Средний полгода продержался. А этот, третий, Тётя недавно перерос. Теперь к соснам примеривается. Хотя, конечно, не в росте дело. Другой за два метра, а душа с мизинец. — Капитан значительно поднял палец. — Тётя наш со-вер-шен-ствуется! Мужает! В гору, как говорится, идёт семимильными шагами. Ласково его зовут в части — Горыныч.

— Откуда же такое прозвище? — улыбнулся я.

— О, это особая история. Сейчас бы рассказал, да времени мало. Утром марш-бросок в Корзинку — на стрельбы.

— Нельзя ли мне с вашей ротой?

— Пятьдесят километров, — покачал головой капитан Крапива. — Одолеете?

— Очень люблю пешком ходить! — сказал я.

— Ну что же, — согласился капитан. — Дорогой и расскажу.

Ранним утром рота была на ногах.

Построились на плацу. Солнце только вставало.

— Как спалось? — подошёл Тётя. — А я, знаете, опять во сне летал! Видно, всё расту.

И он, широко улыбаясь, занял место в строю. Я стоял сзади и ясно видел со спины его крепкие щёки...

Рота двинулась в путь с полной боевой выкладкой.

Сапоги бодро стучали по дороге. Из проезжающих автобусов люди махали руками. Весело было идти.

На груди у Тёти шипела и потрескивала «ромашка» — рация для связи.

— Держитесь в голове колонны, — посоветовал он. — Переднему легче, чем замыкающему, — таков закон природы. А в случае чего, капитан приказал для вас машину вызвать. Скажите, если очень притомитесь!

Я промолчал. Обидно, конечно. За человека не считают! Иду налегке. Так хоть всю жизнь шагай, без привалов. Заснаются десантники! Я бы и с парашютом, пожалуй, прыгнул не хуже любого.

Вообще-то я всегда думал — за что ни возьмусь, всё легко получится, без особенных усилий. И в футбол сыграю не хуже мастера, и картину нарисую, и пирог испеку, и на лошади проскачу галопом. Помню, мой дедушка на токарном станке точил фигурные деревянные. Болванка крутится, резец подставил — и побежала, завиваясь, стружка. Казалось, сами собой выходят из-под резца шахматные короли и королевы, витые ножки для скамейки, деревянные колокольчики... Проще пареной репы! Но дедушка не разрешал подходить к станку. И однажды я тайком включил его. Поднёс резец к деревянной болванке, уже представляя, какую диковинную выточку вещицу. Но резец запрыгал, застучал, оставляя на дереве грубые колдобины. Я подналёг, и болванка разлетелась надвое, шибанув меня по лбу...

«Хорошо думать, что тебе любое дело по плечу, — поучал дедушка. — Но подходи к делу с уважением! Иначе так и будешь по лбу получать. Без труда и таланта ничего не выйдет».

А вспоминал я об этом неспроста, — и для простой ходьбы умение и сноровка нужны. В общем, легко рассуждать, пока за дело не взялся.

Солнце тихонько шло по небу. А мы упорно — вперёд. Казалось, что пятьдесят километров уже позади и за ближайшим поворотом — Корзинка. Но не тут-то было! Дорога уходила всё дальше и дальше.

Десантники между тем играли в «города».

— Армавир! — начал Фокин.

— Он сам из Армавира, — пояснил мне Тётя.

— Ростов! — выкрикнул Пакин.

— Ростовчанин, — кивнул Тётя.

— Воркута! — радостно сообщил Царёв.

— Этот оттуда.

— Андижан! — подхватил Королёв.

— Нальчик! — отозвался Хвича Петуриян.

— Горец! — подтвердил Тётя.

Так и пошло — каждый называл свой родной город, посёлок, деревню, аул или кишлак.

И скоро над дорогой, над головами десантников как бы висела невидимая карта страны. Её составили одни голоса. Ребята, можно сказать, «спели» эту карту — с севера на юг и с запада на восток.

Выкрикнув свой город, солдат и глядел веселее, и шаг прибавлял. А я уже больше не думал ни о чём, кроме как о своём следующем шаге. Так, наверное, человек с больным сердцем прислушивается с тревогой к каждому его удару. Ноги мои, как чугунные, еле поднимались.

Подошёл капитан Крапива.

— Далеко ещё? — спросил я как можно веселее.

— Пустяки! — махнул рукой капитан. — Километров пятнадцать.

Эта цифра неприятно удивила. Может быть, капитан шутит?

— Как ноги? Терпят? — спросил он.

— Идут потихоньку, — ответил я, чувствуя, что ноги мои совсем не хотят идти и пятнадцать километров им не одолеть.

Капитан Крапива внимательно поглядел на меня:

— Тогда послушайте историю про Николая Горыныча. За разговором и километры короче.

Окончание в следующем номере

Рис. В. ЧАПЛИ

ХЛЕБ

Эта жёлтая пшеница
Не сама собой
Родится,
Чтобы вырос
Добрый хлеб,
Брат вспахал
Весною степь,
А потом
В степи просторной
Мой отец
Посеял зёрна.

...Поднялись
Над полем всходы.
Тут привёз
Мой дядя воду —
Не жалел речной водицы,
Чтоб росла дружной
Пшеница.

А как вызрел
Урожай,
Тут уж дед
Не оплошал —
Сжал и вывез
Аккуратно
Хлеб степной наш
Ароматный.
И из жёлтой той пшеницы
Намолот семье
Мучицы.

Чтоб мучица
Хлебом стала,
Рук мужских, однако,
Мало:
Протопила мама печь —
Стала хлебы
В печке печь.

Испечённый нашей мамой,
Пышет жаром каравай,
Пышный,
С корочкой румяной,—
Всякой пище голова!

Точно степь,
Он ароматен,
Прибавляет людям сил.
Но особенно приятен
Тем, кто этот хлеб
Растил.

ПИСЬМА

У меня подружек много.
Вот письмо
Из Таганрога,
А вот это —
Из Сибири.
Там мы с папой
Летом были.
Пишет Ната
С Украины:
«Приезжай
На именины.
Поглядишь на красоту.
Все сады сейчас
В цвету».
Вот открытка
С маркой красной —
Из Сибири пишут:
«Здравствуй!
Толстый снег
Лежит на крышах...
Приезжай
Ходить на лыжах...»
У меня
Подружек много:
Из Москвы,
Из Таганрога.
Есть в Одессе,
Минске,
Братске —
В городах
Республик братских.
Я на письма отвечаю,
Тоже в гости
Приглашаю:
«Приезжай, Наташа-джан,
В мой родной
Азербайджан!»

ВЕТЕР

— Для чего ты дуешь, ветер,
Травы чуткие клоня?

— Когда дую —
Я приметен,
А утихну —
Нет меня.

— Для чего ты дуешь летом?
Что за польза от тебя?

— Подгоняю тучу эту.
Видишь, нивы ждут дождя?

— А зимой зачем ты дуешь?
Для чего такая пруть?

— Чтобы снегом в стужу злую
Землю спящую укрыть.

По весне
Бужу я почки,
Ручейки бужу в горах,
Чтобы в рост пошли росточки,
Пели птицы на ветвях.

В летний зной дарю прохладу
Винограднику и саду,
И в награду за труды
Зреют сладкие плоды.

*Перевёл с азербайджанского
Юрий МОГУТИН
Рис. К. ОРЛОВА*

Барашек

из

Опошня

Владимир ПРИХОДЬКО

Когда я был маленьким, то почти каждое лето жил под Полтавой, в Диканьке. В доме у деда. Вышел однажды за калитку, а меня окликает человек с мешком. Это был старьёвщик, или, как у нас говорили, ганчирник. Он спросил:

— Хлопчик, у вас есть старые вещи?

Я сначала испугался, потом подумал и сказал:

— Есть!

Побежал, как пуля, в дом, схватил свои штанишки с бретельками — я из-за этих бретелек их не любил — и вынес старьёвщику. А он достал из кармана глиняную игрушку. Барашка.

Приложил к губам, свистнул.

И протянул мне.

Я обрадовался свистульке. И не уставал насвистывать на разные лады.

Меня не ругали. Только бабушка, услышав, как я свищу, вздыхала:

— Всё добро высвистишь.

Когда я показал барашка деду, дед сказал коротко:

— Свистунец. Опошня.

Так я впервые услышал красивое слово — Опошня. Дед объяснил, что Опошня — это соседнее село, где испокон веков живут знаменитые гончары. Они делают посуду, игрушки. И продают на ярмарках, на базарах. В Опошне, в Диканьке, в Сорочинцах, в Полтаве... Все

маленькие игрушки — уток, лошадок, рыбок, крохотные мисочки и крынки — они называют «монетками». Почему «монетками»? Потому что их обычно дают покупателю вместо сдачи, когда мелочи нет.

Я стал приставать к деду:

— Поедем в Опошню. Хочу посмотреть на гончаров.

В конце концов дед согласился:

— Ладно. У меня есть знакомый гончар, мы его продаем.

Ясным воскресным утром мы долго катили по дороге, а потом свернули в лес — отдохнуть. Но тут я увидел колодец. Настоящий колодец. Прикрыт прутьями, чтоб не свалиться случайно. Я думал, оттуда берут воду, но дед сказал:

— Не воду, а глину. Потому-то и живут гончары в Опошне, что здесь отличное глинище. А чтобы глину достать, надо вырыть колодец.

Я раздвинул прутья и заглянул вниз. Дна не видать. Тьма. Кинул камешек, но рядом хрустнула ветка, и я не услышал, как он упал.

— Двое спускаются вниз, — сказал дед, — зажигают свечу и набирают глины. А двое наверху крутят колесо и поднимают тяжёлое ведро на верёвке. И сгружают в телегу, в корзины-плетёнки.

Дед подобрал у колодца кусочек глины. Помял в пальцах. Дал мне помять. Глина была красная.

— Это «червинка», — сказал дед. — А вот, — он подобрал другой кусок, белый, — «побел». — Его голос стал таинственным. — Вечером, когда никого поблизости нет, купается в речке красавица русалка. В волосах у неё две заколки: красное солнце и белая луна. Сияют солнечные и лунные лучи и, точно иглы, прокалывают землю. Куда солнечные достанут — красная глина, куда лунные — белая.

Я недоверчиво слушал. Я не верил в русалок.

— Ты шутишь, — сказал я. — Это всё химия.

Тут уж засмеялся мой дед. Он смеялся залиvisto. Та-

кие трели выводил, как барашек-свистунец. А ведь он сам любил говорить: «Всё химия».

Вскоре мы были уже в Опошне. И легко нашли дом, в котором жил дедушкин знакомый. Двор заставлен посудой, как пол магазина. И на заборе торчат румяные крынки.

В саду под яблоней я увидел гончарный круг. Гончар крутил его ногами. А руками мял комок глины. Комок вертелся волчком, вытягивался и превращался — прямо на моих глазах — в крынку для молока.

Гончар был молодой, худой, приветливый.

— Горшечничаешь? — спросил дед.

— Что на кругу вертится, всё пригодится! — весело ответил гончар. — Леплю глеки, плоскуны, стовбуны, кашники!..

Это значит — разные горшки и кувшины. Плоскун — плоский, стовбун — точно столб, кашник — чтобы сварить кашу. А ещё есть баклажки — в жару в них вода прохладная, свежая; макитры — в них мак на пироги трут; горшки-толстяки по прозвищу «тыквы»... Бело-красно-зелёно-коричневые и чуть-чуть чёрные...

Смотреть, как работает гончар, было интересно. Вот бы слепить что-нибудь самому! Гончар угадал моё желание. Взял кусок глины и протянул мне:

— Лепи что хочешь.

— А барашка можно?

— Можно.

Я лепил долго. Старался. А когда закончил, дед, вроде извиняясь за мою неумелость, пошутил:

— Не барашек, а поросёнок, похожий на кошку.

Но гончар поддержал меня. Он сказал мягко:

— Это фантазия ребёнка. А ещё и огонь нафантазирует.

Мы подошли к горну — печке для обжига. Печка была в яме, круглая, кирпичами выложенная. Я думал, гончар поставит моего барашка в горн, а он поставил его рядом, на полку:

— Пусть пока посохнет. Я его обожгу и тебе в Диканьку привезу, не забуду.

Второй раз в Опошню я приехал через много-много лет. Через полвека. Сыновья и внуки того гончара работают на заводе художественной керамики. Гончарные круги вертит электричество. Два больших горна топят газом. Глиняные кувшины, вазы везут на обжиг по рельсам, вагонетками.

А малыши, как прежде, рады круторогим барашкам, добродушным львам с мохнатой гривой, козочкам... Это игрушки из Опошни.

Рис. О. ЭСТИСА

ВОЗДУШНЫЙ ПОЕЗД

Владимир СТЕПАНОВ

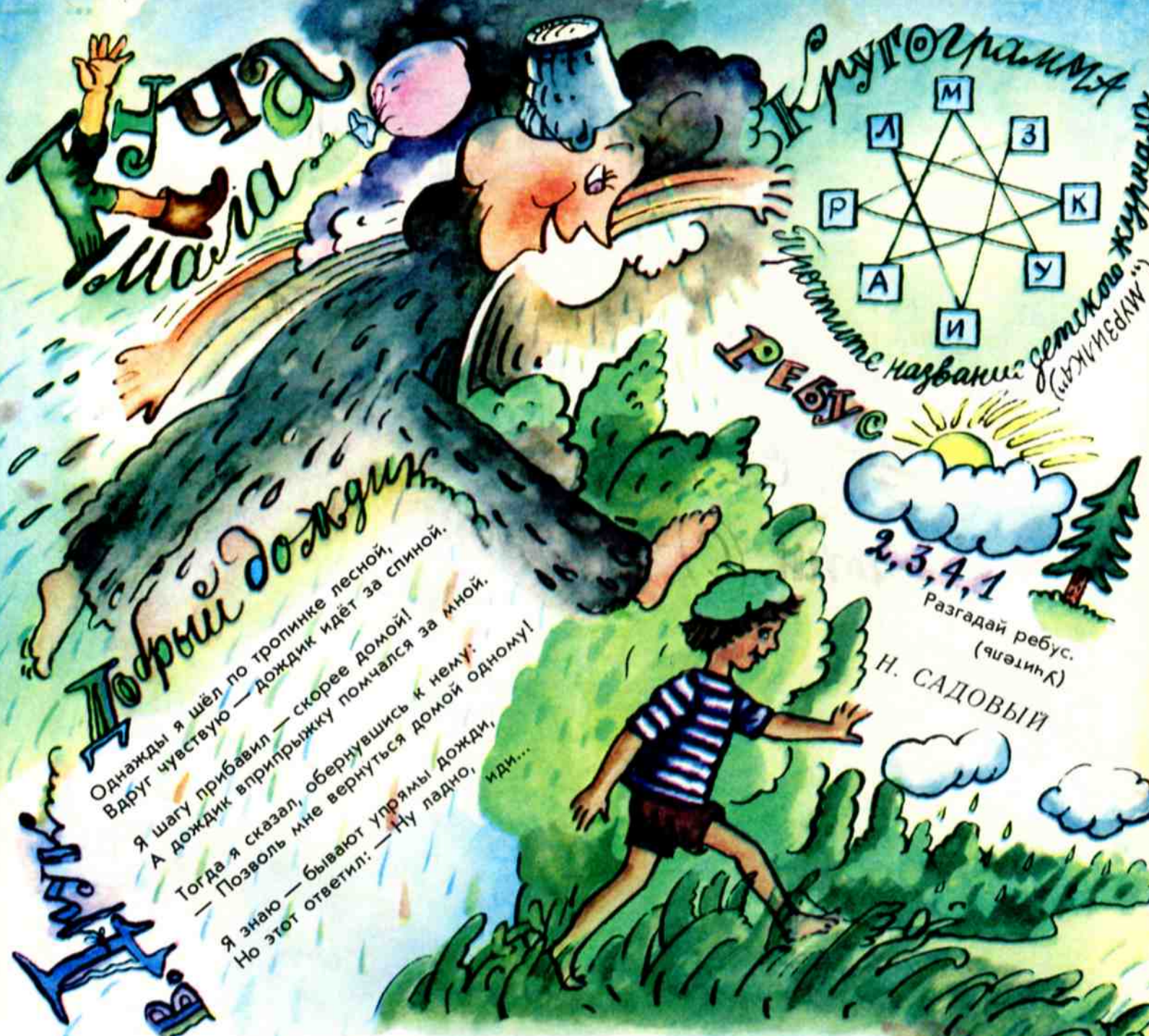
Над лесом, над лугом, над полем
Тревожно кричат журавли.
Воздушный торопится поезд,
В седой исчезая дали.

Летят журавлиные стаи,
За синий спешат горизонт.
Как лето, их песня растает
И солнцем осенним взойдёт.

Не скоро в родные просторы
Вернутся опять журавли.
Но мы их дождёмся, и снова
Повеет весной от земли.

Рис. Е. КУДРЯВЦЕВОЙ

Добрый дождик

Однажды я шёл по тропинке лесной,
 Вдруг чувствую — дождик идёт за спиной.
 Я шаг прибавил — скорее домой!
 А дождик вприпрыжку помчался за мной.
 Тогда я сказал, обернувшись к нему:
 — Позволь мне вернуться домой одному!
 Я знаю — бывают упрямы дожди,
 Но этот ответил: — Ну ладно, иди...

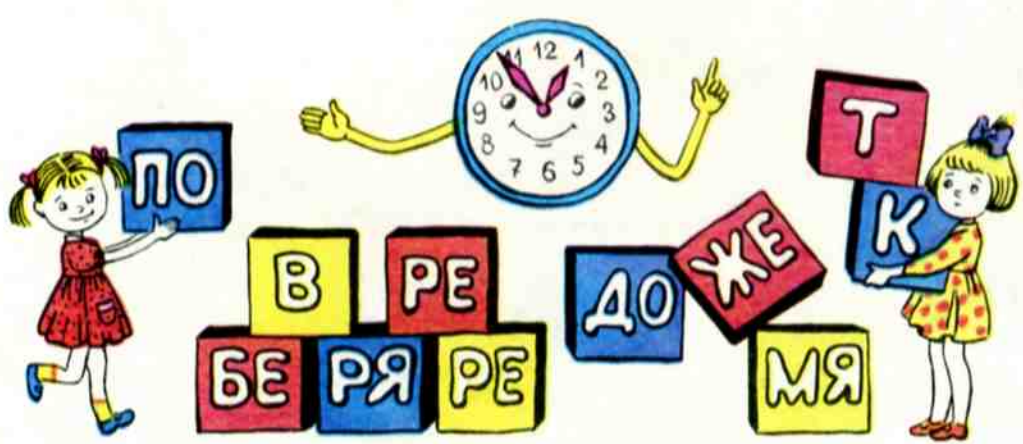

РЕБУС

Разгадай ребус.
 (человек)

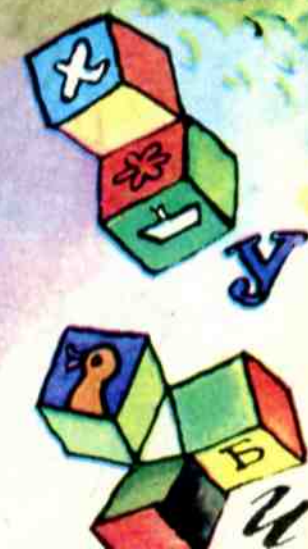
Н. САДОВЫЙ

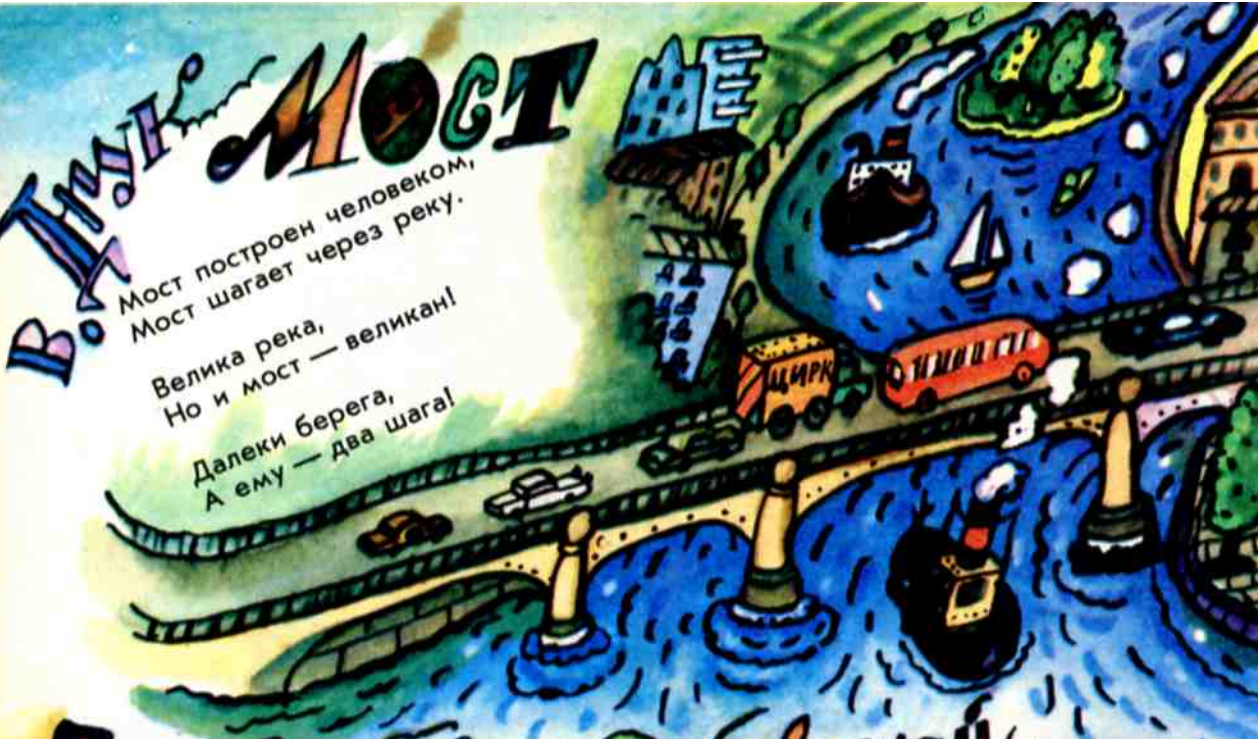

Сложи кубик так, чтобы можно было прочесть пословицу.

Рис. И. САВИНОЙ

В. Лукич МОСТ

Мост построен человеком,
Мост шагает через реку.
Велика река,
Но и мост — великан!
Далеки берега,
А ему — два шага!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ
С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
Т. АНДРОСЕНКО

Редколлегия:
Я. АКИМ,
С. АЛЕКСЕЕВ,
Г. ВИЕРУ,
И. ЗАРАХОВИЧ
(зам. главного редактора),
С. ИВАНОВ,
Ю. КОВАЛЬ,
М. КОРШУНОВ,
В. ЛОСИН,
Г. МАКАВБЕЕВА,
В. МАТВЕЕВ,
А. МИТЯЕВ,
К. ОРЛОВА,
(ответственный секретарь),
Е. РАЧЕВ,
Н. СТРЕЛЬНИКОВА,
В. ЧИЖИКОВ

Тим Собакин. О Овсяной каше

Рис. А. СОКОЛОВА

— Откуда появилась ложка?
— Она появилась
Из чайной ложечки,
Которая ела
Овсяную кашу
И выросла
В столовую ложку...

— А откуда же появилась вилка?
— А вилка появилась
Из огромных вилок,
Которые не любили
Овсяной каши
И превратились
В маленькую вилку...

Редактор отдела
художественного
оформления
В. ШЛЯНДИН

Художественный
редактор
Н. ХОЛЕНДРО

Технический
редактор
Г. БЕЛОВА

Ордена Трудового
Красного Знамени
издательско-
полиграфическое
объединение
ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия»

Сдано в набор 10.08.88.
Подписано в печать 30.08.88.
Формат 84×108^{1/16}.
Печать офсетная.
Условн. печ. л. 3,36.
Усл. кр.-отт. 13,44.
Уч.-изд. л. 3,7.
Тираж 5 400 000 экз.
Цена 15 коп.
Заказ 164.

Адрес редакции
журнала «Мурзилка»:
125015, Москва,
Новодмитровская ул.,
д. 5а.
Телефон 285-18-81.

Типография ордена
Трудового Красного
Знамени издательско-
полиграфического
объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30,
ГСП-4, Сущевская, 21.

Макет
И. ВЕЛИКАНОВОЙ
Рисунок на обложке
В. ХЛЕБНИКОВОЙ

Г. Абрамов Вот так голова

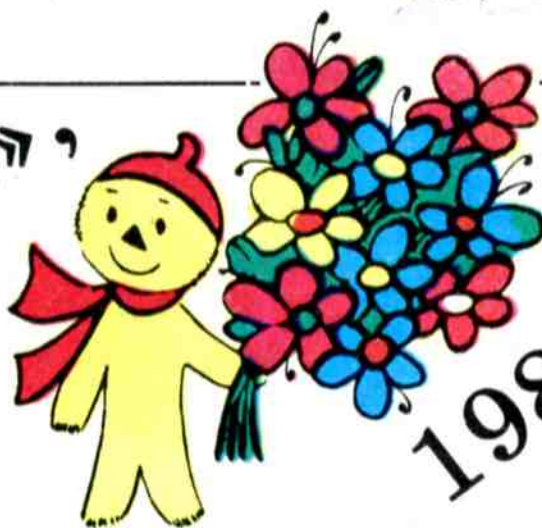
Мой папа сказал про меня: — Голова! —
Из кубиков я составляю слова.

Я азбуку знаю от А и до Я,
Но где же тот кубик, что с буквою Я?

Без этого кубика с буквою Я
Какой же, скажите, я мальчик... Илья?!

«МУРЗИЛКА»

1989—

ЭТО НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ,
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ,
ВЕСЕЛЫЕ СТИХИ,
САМОДЕЛКИ.
ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

